

14 МАИ 1985

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

ДИАЛОГИ О ТЕЛЕВИДЕНИИ

Г. Товстоногов,

Герой Социалистического Труда, народный артист СССР:

Внушать понятие благородства

Человек, который способен воспринимать искусство, поддаваться его благотворному влиянию, совершенствуется как личность.

Как в большинстве домов, телевизор и в этом доме расположился в общей комнате. Однако целый день, как фон, он не мерцает. И когда собираются домочадцы и гости, когда идет беседа, он тоже нем. Его включают в ожидании интересной передачи и выключают, если ожидания не оправдываются. Ценят время.

Скажем еще: перед выступлением в Концертной студии Останкино Г. А. Товстоногов (а интервью мы берем именно у него) волновался. Контакт с профессиональной аудиторией он устанавливал легко, но будут ли интересны многим и многим его взгляды на искусство? Опасения озадачились напрасными: с той встречи прошло уже несколько лет, но если в редакционной почте заходит речь об останкинских вечерах, встречу с Товстоноговым вспоминают часто. Ее интеллигентность, ее открытость, ее тон: не менторский, но и не развлекательный — серьезный. Без скидок на то, что предмет разговора кому-то может показаться не стоящим внимания. С огромности телевизионной аудитории наша беседа и началась.

— Надо ли приспосабливаться к тому, что телевизор смотрят практически все? Ставит ли это перед вами какие-то особые задачи?

— Нет. Задачи те же, что у любой художественной пропаганды: поднимать уровень культуры, а не опускать его. Где бы я ни работал над спектаклем, я стремлюсь раскрыть мысль пьесы, увидеть ее сегодняшними глазами.

— Вы не раз говорили, что, появившись «Холстомер» лет двадцать назад, мера сценической условности, с которой он решен, не была бы принята публикой. Под уровнем культуры вы подразумеваете и это?

— Это другая, по-преимуществу эстетическая проблема. Она имеет отношение к постоянной смене выразительных средств. Известный английский режиссер Питер Брук считает, что на театре такая смена происходит каждые десять лет. Мы ее не очень замечаем, но если бы увидели свои старые спектакли, они показались бы нам архаичными.

— Даже хорошие?

— И хорошие тоже, за редчайшим исключением.

— У телевидения, театра и кино один и тот же зритель, не так ли? И если меняется зал театральный, его вкусы и представления, меняется и зал телевизионный...

— Не будем столь категоричны. Не будем апеллировать ни к эстетствующему зрителю, ни к такому, который к искусству равнодушен. Среди тех, кто проводит вечера у телевизора, таких людей, согласитесь, немало. Во всяком случае больше, чем среди тех, кто ходит в театр.

Я бы сказал так: надо вообразить равного себе человека и обращаться к нему. Вместе с ним размышлять о том, что тебя волнует.

— И его тоже...

— И он, и я — члены общества. Наши интересы должны совпадать, иначе я не имею права заниматься режиссурой. Художник обязан понимать, что беспокоит и радует его современников. Средства выражения у разных искусств разные, цель одна: представлять интересы сограждан.

Зрителя не обманешь. Если он чувствует, что к нему снисходят, что с ним играют в поддавки, он перестает уважать то, что ему преподносят. От его внимания может ускользнуть вся глубина произведения, он может охватить какой-то один его пласт, но этого не надо бояться. Надо делать свое дело и не шарахаться из стороны в сторону.

Больше всего мне хочется, чтобы у зрителя возникло желание погрузиться в произведение, разобраться в нем. А для этого надо затронуть совесть человека, разбудить его воображение до такой степени, чтобы ему захотелось сопоставить себя, свою жизнь с жизнью героя. Если речь идет о прошлом, надо найти мысль, которая волнует людей сегодня; если произведение современно, круг размышлений, сопоставлений должен быть особенно близким.

Но чтобы все это случилось, произведение должно говорить языком искусства, быть художественным. Бывает ведь так: внешние признаки успеха присутствуют, а публика покидает театр без сожаления. Ничего не запало ей в душу, ей не о чем думать, не о чем размышлять. В аналогичное положение попадают телевизионные зрители: достаточно вспомнить о некоторых многосерийных фильмах, о спектаклях, особенно последнего времени.

— Вы предвосхитили мой вопрос, вернее вопросы. Они не новы, но, судя по письмам, интерес к ним достаточно постоянен. Я имею в виду взаимоотношения телевидения и театра, так называемое «тиражирование» театральных постановок, и телевидения и литературы.

Выступая на страницах нашей газеты, писатель Юрий Нагибин говорил о том, что экранизации, особенно многосерийные экранизации классики, закрывают интерес к книге. Академик же Д. С. Лихачев придерживается иной точки зрения — она тоже была высказана на страницах «Советской культуры». Он считает, что телевизионная версия книги может принести определенную пользу — пробудить, поддержать интерес к литературе. Чью сторону примете вы?

— Я не хотел бы высказываться однозначно. Есть люди, с которыми происходит то, о чем говорил многоуважаемый Дмитрий Сергеевич. Но я, к сожалению, встречал и немало таких, которым вполне хватает телевизионной интерпретации великого произведения.

Мне вообще кажется, что проблему ТВ и литература, а в равной степени литература и театр, литература и кино в первую очередь стоит рассматривать с иных позиций. Многосерийные фильмы есть и будут, возможно, появятся многосерийные спектакли, и беда многих не только в том, что они искусственно растянутся: отойдешь от телевизора, поговоришь по телефону, вернешься — и ничего существенного не пропустил. Их подстерегает другая, более серьезная опасность. Вместо того чтобы найти образно-метафорический ход, раскрывающий природу романа или повести, они довольствуются иллюстрацией. Тщательно переносят прозу на экран, стремясь сохранить едва ли не все ее сюжетные ходы и как можно больше персонажей. Но как бы скрупулезна ни была экранизация, подробности не заменят искусства.

— То есть вы считаете, что прямое следование первоисточнику как бы освобождает режиссера от собственных художественных поисков?

— От перевода в новый вид искусства — несомненно. Что такое искусство? Образная

форма отражения и постижения жизни, а если передо мной ряд фотографий на данную тему, то, согласитесь, это нечто иное. Я должен быть заворочен происходящим, а многие сериалы просто-напросто скучны.

Лучше тогда читать. Книга будоражит воображение, фантазию, я активно воспринимаю происходящее, тогда как иллюстрация оставляет меня равнодушным. Можно читать длинную книгу с великим удовольствием, но смотреть длинный пересказ книги вряд ли кому-нибудь интересно.

— А вам не кажется, что телевидение может вернуть зрителей к тому, что в определенной степени утеряно? Я не в защиту скучных зрелищ, конечно, но мы привыкли смотреть все быстро, а сериалы медленны и вызывают к сосредоточенности...

— По-моему, это выдуманная проблема. Если передо мной искусство — вопрос времени не стоит. На гастролях в Лондоне нас предупреждали, что если спектакль будет длиться больше двух с половиной часов, зрители уйдут. «Идиот» шел три с половиной часа, и все сидели. Решает то, что происходит на сцене и на экране.

К тому же не стоит забывать о разнице восприятия. Дома смотреть длинные спектакли одно, в театре — другое. Воспитателем в данном случае телевизор стать не может.

— Природа контакта иная?

— И контакта, и восприятия, что, кстати, имеет самое непосредственное отношение к нашему второму вопросу: к показу театральных спектаклей по телевизору.

— В редакцию приходит много писем на эту тему. Люди огорчаются и сердятся, что не могут увидеть на малых экранах тех постановок, о которых читают похвальные статьи в газетах и журналах. Как тут быть?

— Для меня это пока неразрешимая проблема. Я тоже получаю такого рода письма и понимаю, что пишущие правы. И в то же время я вижу реальную опасность дискриминации того произведения, которое имеет успех в театре.

— Почему?

— Потому что один вид искусства должен превратиться в другой: сценическое в телевизионное. А чтобы это случилось, я должен потратить столько же художественной и прочей энергии, как если бы ставил новый спектакль. Телевизионный вариант «Мещан» занял четыре месяца, и за него я внутренние отвечаю, но каждый раз отнимать столько времени у театра я не могу.

— А доверить работу тележурналисту?

— Технический перенос убивает спектакль. В Венгрии во время наших гастролей по ходу действия сняли «Холстомер» — и что же? Если зритель видел постановку, передача могла о ней напомнить, если нет — он бы разочаровался. Театральная условность не соответствует телевизионно-кинематографической, и в результате получается нечто невнятное и непонятное. Необходимо найти тот образный строй, тот способ художественного выражения, который бы соответствовал театральному.

Чем условнее природа сценического произведения, чем дальше она отстоит от правдоподобия, тем сложнее она поддается телевизионной натуральности.

— «Милый жец» легче!

— Совершенно верно. Это «разговорная»

пьеса, визуальная сторона важна в ней меньше всего, в «Холстомере» она значит чрезвычайно много. Я смотрю на сцену, и мое воображение начинает работать, я смотрю на экран, и оно молчит: все здание рушится. Я не могу поверить в то, что мне показывают.

— Что, по-вашему, телевидение делает или могло бы делать лучше всех? Оставим на минуту в стороне зримую информацию.

— Почему оставим? Давайте лучше с нее начнем. С того, что благодаря телевидению земной шар стал более познаваем. Я увидел многое, чего не мог бы увидеть: умообразные, абстрактные понятия стали конкретными, осязаемыми.

Я люблю футбол и смотрю спортивные передачи — не все, разумеется. Когда в Испании шел турнир на первенство мира, я воочию наблюдал за игроками, о которых раньше только слышал. К тому же телевидение дает возможность разобраться в технологии спорта, интересные моменты повторяют и комментируют.

Уходит, правда, другое — особый азарт, который возникает только на стадионе, когда ты «болеешь» вместе со всеми. А это стоит дорогого.

Далеко не так часто, как бы хотелось, но появляются художественные произведения, с которыми нас знакомит именно телевидение. Сравнительно недавно я посмотрел фильм Микеланджело Антониони по сценарию Жана Кокто. Выбор персонажей — королева, камеристки, граф, придворные — заставляет вспомнить Скриба, но за внешней зрелищностью скрывается настоящая литература. Такие встречи радуют.

Телевидению подвластно многое, а его роль в эстетическом воспитании вообще трудно переоценить. Прекрасны были серии передач об Эрмитаже и Русском музее. Вполне допускаю, что они заинтересовали далеко не всех, что многие смотрели лишь некоторые фильмы и смотрели случайно, но это не должно никого смущать. Рано или поздно, но работа просвещения дает свои плоды.

Надо искать новые формы, но и старые бывают куда как хороши. Мы согласились, что некоторые телевизионные фильмы скучны и скука бросает тень на литературу, зато приохотить к ней может чтение, просто чтение. Сравнительно недавно я прослушал по радио чеховскую «Дуэль», и так это было увлекательно, что я как бы заново открыл для себя любимое произведение. И таких открытий наверняка немало у каждого: сразу вспоминаю и чтение Ильинского, и чтение Ульянова, и чтение Бабочкина...

— Судя по всему, вы придаете большое значение эстетическому воспитанию. Не могли бы вы объяснить, почему? Смысл всем вроде бы ясен, но все же...

— Искусство влияет на человека. Он становится интеллигентом в подлинном смысле слова: его гражданская позиция благородна и активна, его нравственные представления устойчивы и высоки. Процесс формирования личности может быть многолетним и глубинным, но очень важно, чтобы он не прерывался.

— Значит, эстетическая восприимчивость человека связана с его нравственным обликом?

— Конечно. А как же иначе? В чем сверхзадача по Станиславскому? Пробраться к совести человека, не правда ли? Внушить ему понятия добра, благородства, великодушия, отзывчивости — понятия, которые создают климат общества. У искусства во всем этом не главенствующая, но и не последняя роль.

— «...Чувства добрые я лирой пробуждал...».

— Только так, только так. В этом и есть высшая цель творчества, как я ее понимаю.

Беседу вела

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.